

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

І. Общія характеристики.

О борьбѣ съ западомъ, въ связи съ литературной дѣятельностью одного изъ славянофиловъ *).

Мы привѣтствуемъ появленіе только что вышедшаго, вторымъ изданіемъ, второго тома «Борьбы съ Западомъ въ нашей литературѣ» г. Н. Страхова. Тѣ, кто знакомъ съ его первымъ изданіемъ, найдеть въ настоящемъ рядъ новыхъ статей, и между ними «Роковой вопросъ», надѣлавшій въ свое время столько шума и послужившій причиною закрытія журнала Э. М. Достоевскаго «Время». Есть въ этомъ второмъ изданіи и статьи, никогда еще не появлявшіяся въ печати; онѣ всѣ примыкаютъ къ «Роковому вопросу», служа поясненіемъ его или дальнѣйшимъ развитіемъ. Здѣсь воспроизведена также въ полномъ составѣ статей вся полемика г. Страхова противъ проф. Тимирязева (по поводу дарвинизма)

---

*) Печатаю эту статью, мы слѣдуемъ намѣченному при основаніи журнала правилу—давать въ немъ мѣсто талантливому и значительному выраженію всякаго направленія нашей общественной мысли. Возможныя увлеченія въ сужденіяхъ автора должны остаться на его личной отвѣтственности. Литературно-философская дѣятельность почтеннаго Н. Н. Страхова — явленіе во всякомъ случаѣ на столько крупное въ исторіи нашего просвѣщенія за послѣдніе тридцать лѣтъ, что попытка освѣтить ея значеніе заслуживаетъ полнаго сочувствія.—*Ред.*

и противъ Вл. Соловьева (по поводу теоріи культурно-историческихъ типовъ).

Всегдашнія черты таланта г. Страхова и знатоки его сочиненій встрѣтятъ и въ настоящей книгѣ, какъ и въ длинномъ рядѣ другихъ, которыя онъ издалъ въ послѣдніе годы. Товарищъ по журнальной дѣятельности О. М. Достоевскаго, Ап. Григорьева и Н. Я. Данилевскаго, онъ только въ восьмидесятихъ годахъ, когда началъ выпускать цѣльные сборники своихъ статей, сталъ получать прочную и широкую извѣстность. Его статьи о Герценѣ и Ренанѣ *) читались и перечитывались, а всякій, кто слѣдилъ за его полемикой по поводу различныхъ научныхъ вопросовъ, не могъ не чувствовать почти постоянного превосходства его надъ своими противниками, быть можетъ поэтому именно всегда соединеннаго со спокойнымъ изяществомъ постоянно правильного спора.

I.

Чрезвычайная вдумчивость составляетъ, кажется, главную особенность въ умственныхъ дарованіяхъ г. Страхова и она-же общаетъ главную прелесть его сочиненіямъ. Ихъ можно снова и снова перечитывать, и все-таки находить еще новыя мысли въ нихъ, которыя или остались незамѣченными при первомъ чтеніи, или впечатлѣніе отъ которыхъ закрылось впечатлѣніемъ отъ другихъ, болѣе важныхъ мыслей. Эта особенность его таланта становится всего болѣе ярка, когда переносишься мыслью отъ него къ его умершему другу, Н. Я. Данилевскому. Связанные тѣсною и многолѣтнею дружбою **) и единствомъ убѣжденій, они были люди въ сущности противоположнаго умственного склада. Н. Я. Данилевскій разработалъ двѣ громадныя идеи, изъ которыхъ одна положительная по содержанію, другая—отрицательная. Мы разумѣемъ его теорію культурно-историческихъ типовъ, развитую въ книгѣ «Россія и Европа», и критику дарвинизма, изложенную въ двухъ томахъ неоконченнаго сочиненія, которое носить названіе этой теоріи. По своему универсальному значенію обѣ идеи эти высоко возвышаются надъ умственною производительностью нашего обще-

*) Въ 1-мъ т. «Борьбы съ Западомъ въ нашей литературѣ», изд. 2-е, Спб. 1887.

**) Во 2-мъ т. «Борьбы съ Западомъ» есть нѣсколько страницъ посвященныхъ воспоминанію о Данилевскомъ, стр. XIX—XX и 512—514. См. также предисловіе къ четвертому изд. «Россія и Европа», Спб. 1889.

ства и, конечно, чѣмъ далѣе ряды смѣняющихся поколѣній будутъ отходить отъ нашего времени, тѣмъ яснѣе проступятъ перелъ ними величественныя черты умственнаго зданія, которое онъ пытался воздвигнуть. Но подходя ближе къ этому зданію, мы замѣчаемъ, что многое въ немъ выполнено просто и грубо, хотя въ общемъ—всегда вѣрно. Истинность и совершенство цѣлаго при грубости въ обработкѣ частей есть общая черта научно-литературныхъ произведеній Данилевскаго. Онъ всегда видѣлъ только главную идею, для которой работалъ; эта идея поглощала его мысли и онъ менѣе внимательно смотрѣлъ на самый процессъ выполненія. Отъ того, разъ прочитавъ его труды и согласившись съ нимъ въ главномъ, не имѣешь охоты возвращаться къ нимъ снова, зная, что не найдешь въ нихъ уже ничего новаго. И однако самыя идеи его уже входятъ въ систему вашихъ убѣжденій, онѣ не могутъ ни исказиться, ни забыться.

Совершенно противоположны по своему характеру труды г. Страхова. Его занимаетъ слишкомъ много мыслей, чтобы мы могли выдѣлить которыя-нибудь изъ нихъ и, забывъ остальное, сохранить только ихъ. И, что въ особенности важно, эти мысли отличаются чрезвычайною сложностью и тонкостью, онѣ трудно усвоимы—и это не смотря на совершенную прозрачность языка. Онѣ трудны не потому, что трудно выражены, но—сами по себѣ, именно какъ мысли *). Все слишкомъ ясное и простое, все умственно грубое не особенно занимаетъ его и, если во 2-мъ томѣ «Борьбы съ Западомъ» такъ много мѣста отведено имъ теоріи Дарвина, то это конечно лишь изъ желанія выяснить достоинства труда Данилевскаго и этимъ почтить память своего умершаго друга. Въ дѣйствительности-же теорія эта, слишкомъ простая и грубая, не могла надолго приковать къ себѣ вниманіе критика разъ ея истинное достоинство стало для него ясно. Съ неудержимою силою его мысль влечется къ темнымъ и неяснымъ сторонамъ въ жизни природы, во всемірной исторіи и въ вопросахъ общественныхъ, онъ ходитъ около этихъ областей, тщательно взвѣшиваетъ все, что о нихъ думали выдающіеся умы разныхъ временъ и народовъ, и вывести изъ этой темной глубины хоть что-нибудь къ свѣту яснаго сознанія—вотъ что составляетъ его постоянную и тревожную

*) Сюда относится много удивительныхъ и лучшихъ страницъ въ «Общихъ понятіяхъ психологіи и физиологіи». Спб. 1886.

заботу. Отсюда вытекает необыкновенная оригинальность его мысли: вы никогда не увидите у него повторений того, что уже известно вамъ изъ другихъ книгъ; отсюда-же — отрывочность этихъ мыслей, ихъ рѣдкая законченность, и вмѣстѣ—обиліе ихъ. Первое происходитъ отъ того, что онъ никогда не хочетъ говорить болѣе, нежели сколько знаетъ, второе—отъ того, что чѣмъ труднѣе занимающій его вопросъ, тѣмъ менѣе онъ въ силахъ оставить его, и все съ новыхъ и новыхъ сторонъ пытается его разрѣшить. Вотъ почему онъ не создалъ ни одного большого систематическаго труда; «замѣтка», «очеркъ» или, какъ дважды озаглавиваетъ онъ свои статьи, «попытка правильной постановки вопроса»—вотъ самая обыкновенная и дѣйствительно самая удобная форма для выраженія его мыслей. Онѣ напоминаютъ собою ажурную работу необыкновенной тонкости и изящества, каждый уголокъ которой занимаетъ васъ, въ которой вы открываете все новые и новые узоры, хотя издали она представляется однородною. Его труды—это не величественный храмъ, который издали привлекаетъ путника, но это—удивительная и разнообразная орнаментация, которую онъ неожиданно замѣчаетъ войдя въ него, и прихотливые изгибы ея уходятъ въ неопредѣленную даль. Ничего крупнаго и рѣзкаго не запоминается въ ней, но, долго всматриваясь въ ея мягкія черты, начинаешь чувствовать пренебреженіе и даже неприязнь ко всему умственно-грубому, что, отвернувшись, находишь снова въ обыденной жизни и что раньше не казалось грубымъ. Она не столько входитъ какою-нибудь опредѣленною мыслью въ составъ вашихъ убѣжденій, сколько изощряетъ вашу мысль и воспитываетъ ее, и хотя-бы предметомъ ея стали другіе вопросы, на всемъ, что создается ею, ляжетъ уже своеобразная печать.

Мы сказали объ однородности впечатлѣнія, которое остается отъ чтенія всѣхъ трудовъ г. Страхова. Это зависитъ отъ единства настроенія, съ которымъ писались они, и отъ цѣльности мысли, отсутствия разорванности въ ней, не смотря на разнообразіе предметовъ, которымъ они посвящены. Множество мыслей, переплетаясь и повидимому перерывая другъ друга, въ дѣйствительности связываются въ одну непрерывную ткань. Вы чувствуете, что о чемъ-бы ни писалъ онъ, будетъ-ли то научный вопросъ, явленіе литературы, политическое увлеченіе, онъ постоянно думаетъ о чемъ-то одномъ: въ отношеніи къ этому одному, не на-

зывая его, онъ высказываетъ всѣ свои мысли, чего-бы ни касались онѣ прямымъ, точнымъ значеніемъ своихъ словъ.

Это сообщаетъ его разнообразнымъ критическимъ, публицистическимъ и научнымъ статьямъ глубокую, хотя не рѣзко выраженную сосредоточенность. Слѣдя за направленіемъ, въ которомъ она возрастаетъ, мы открываемъ двѣ идеи, которыя, не будучи центромъ всѣхъ его мыслей, стоятъ наиболѣе близко къ нему; самого же центра онъ никогда почти не касается словомъ; о чемъ онъ постоянно думаетъ, онъ не говоритъ совѣмъ. Вы только чувствуете этотъ центръ, открываете его изъ общаго теченія его мысли, и изъ общаго настроенія, подъ которымъ онъ писалъ всѣ свои труды.

Два ближайшія къ центру средоточія, о которыхъ заговорили мы,—это, во первыхъ, идея рациональнаго естествознанія и, во вторыхъ, идея органическихъ категорій, какъ особыхъ понятій, исходя изъ которыхъ можно было-бы наконецъ пролить объясняющій свѣтъ на никогда не разгаданную область жизни и смерти. Первая идея установлена въ самомъ почти раннемъ и наиболѣе цѣльномъ, закругленномъ трудѣ его: «Миръ какъ цѣлое; черты изъ науки о природѣ» (Спб. 1872 г.); вопросъ о вторыхъ уже поставленъ имъ въ первомъ не специальномъ его трудѣ: «О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи» (Спб. 1865 г.) и къ нему-же вернулся онъ снова и съ величайшею энергіею въ позднемъ и лучшемъ трудѣ своемъ: «Объ основныхъ понятійхъ психологіи и физиологіи» (Спб. 1886 г.). Нужно прочитать объ эти книги, чтобы понять всю глубину мысли, которая заложена въ нихъ, чтобы дать себѣ ясно отчетъ во всей гениальности догадокъ, которыя здѣсь высказаны, но къ сожалѣнію, не развиты *). Объ идеѣ рациональнаго естествознанія написано имъ немного, и однако-же она совершенно ясна изъ этого немногаго; напротивъ, объ органическихъ категоріяхъ написано имъ гораздо болѣе, и между тѣмъ сущность ихъ, точное значеніе и формальное опредѣленіе гораздо менѣе ясны. Очевидно, онъ встрѣтился здѣсь съ гораздо болѣе труднымъ вопросомъ, который не столько разрѣшилъ, сколько твердо выставилъ и рѣзко указалъ на него, какъ на такой, безъ предварительнаго рѣшенія котораго всѣ тру-

*) См. объ этомъ предисловіе въ книгѣ „Миръ какъ цѣлое и пр.“ Спб. 1872, стр. IX.

ды натуралистов осуждены вечно оставаться только собираніемъ бессмысленныхъ фактовъ, а не созиданіемъ науки въ истинномъ и строгомъ значеніи этого слова.

Невѣрность надежды достигнуть когда-нибудь полного проведенія первой теоріи по всей области естествознанія и ясности въ разрѣшеніи второго вопроса была, вѣроятно, не единственною причиною того, что г. Страховъ не посвятилъ этимъ двумъ задачамъ всей своей жизни, какъ хотѣлъ сдѣлать это въ началѣ *). Мы сказали уже, что идеи эти, стоя ближе всего къ центру его интересовъ, однако все-таки не составляютъ этого центра и онъ, предавшись имъ, не могъ закрыть глаза на то, что вѣчно и неумолкаемо тревожило его мысль. Онъ сошелъ съ пути чистаго естествознанія и, весь руководимый одною мыслью, обратился къ разнообразнымъ сферамъ исторіи, литературы, политики, какъ будто повсюду и въ нихъ продолжая искать чего-то, чего не нашель въ естествознаніи за несовершенно яснымъ рѣшеніемъ двухъ главныхъ вопросовъ, занимавшихъ его тамъ. Въ явленіяхъ литературы его болѣе всего интересуютъ произведенія, въ которыхъ среди мимолетнаго и бѣгущаго уловлены вѣчныя черты человѣческаго существа и вѣчныя основы, по которымъ движется жизнь народовъ. Отсюда—восторгъ, который онъ почувствовалъ при появленіи «Войны и мира» г-на Л. Н. Толстого и лучшая оцѣнка имъ этого произведенія, какая была сдѣлана до сихъ поръ въ нашей литературѣ; отсюда—его колеблющееся отношеніе и наконецъ неприязнь къ Тургеневу, который ради интереса къ текущему и временному въ человѣкѣ пренебрегалъ этимъ вѣчнымъ въ немъ **). Отсюда же вытекаетъ его глубокий интересъ къ отрицательнымъ и разрушительнымъ явленіямъ въ исторіи западной Европы,—къ французской революціи, къ паденію философіи, къ особенному характеру, который приняло тамъ естествознаніе. Онъ съ любопытствомъ всматривается во всѣ эти явленія, старается уяснить смыслъ ихъ возникновенія и точныя причины, которыя сдѣлали его возможнымъ. Но эта научная сторона въ его взглядахъ на текущую исторію есть только предварительная ступень къ тому, что всего болѣе занимаетъ его: онъ пылливо всматривается въ

*) См. въ особенности объясненіе кристаллическихъ формъ въ минералахъ и теорію внѣшнихъ чувствъ человѣка въ „Мирѣ какъ дѣло“. Спб. 1872.

**) См. „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“. Изд. 2-е. Спб. 1887.

лицо людей, которые идутъ впереди этого историческаго движенія, и ищеть въ нихъ выраженія тревоги и смущенія. Онъ какъ будто спрашиваетъ: «какъ-же вы будете жить, заглушивъ въ себѣ вѣчныя потребности человѣческой души, что вы поставите на мѣсто ихъ и, чего-бы ни достигли вы въ жизни, что почувствуете вы въ самихъ себѣ?» Симптомы этой внутренней тревоги съ проницательностью человѣка, слишкомъ много пережившаго въ себѣ, онъ отыскиваетъ въ великихъ представителяхъ современной западной литературы, въ Ренанѣ, Штраусѣ, Д. С. Миллѣ, у насъ—въ Герценѣ. Отсюда—рядъ удивительныхъ его статей объ этихъ писателяхъ (см. «Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ», т. 1-й). Можно сказать, что духовная физиономія этихъ писателей внутренней и скрытой центръ ихъ дѣятельности, такъ хорошо извѣстной и такъ мало понятой, впервые раскрылись въ своемъ истинномъ значеніи въ этихъ статьяхъ. Объективное значеніе трудовъ этихъ писателей, ихъ содержаніе и то новое, что оно пытается внести въ науку—все это, какъ второстепенное и имѣющее пройти, оставлено въ сторонѣ г. Страховымъ. Онъ разсматриваетъ эти труды не въ ихъ значеніи для читателей, но въ ихъ отношеніи къ самимъ писателямъ, какъ показатели ихъ внутренняго настроенія. Именно оно служитъ предметомъ его постоянного размышленія, какъ моментъ въ развитіи человѣческой души, какъ исполненная захватывающаго интереса страница изъ судебъ человѣческой совѣсти въ исторіи.

Здѣсь мы подходимъ къ тому, что уже не около центра постоянныхъ размышленій нашего автора, но составляетъ самый центръ въ немъ, въ его дѣятельности и многолѣтнихъ исканіяхъ. Искусный въ опредѣленіи скрытаго нерва другихъ, онъ ни разу не вскрылъ передъ читателями своего собственнаго, высказавъ о томъ, что его постоянно въ сущности занимало, лишь немного отрывочныхъ словъ, сказанныхъ по поводу чего-нибудь посторонняго и только произнесенныхъ съ необычайною вдумчивостью. Есть извѣстіе, что самый религіозный народъ въ исторіи, еврейскій, никогда не произносилъ имени своего Бога и не писалъ его всѣми буквами, такъ что древній звукъ этого имени наконецъ утерлся и въ позднія и менѣе религіозныя времена сталъ предметомъ розысканій, но уже тщетныхъ. Нѣчто подобное мы наблюдаемъ и во многихъ писателяхъ. Какъ будто какой-то страхъ удерживаетъ ихъ говорить о томъ, о чемъ одномъ они хотѣли-бы говорить, и они

только подводят читателя къ этому главному, но подведя—сами ничего о немъ не произносятъ. Боязнь сказать что-нибудь не такъ, ошибиться хоть въ одномъ словѣ о предметѣ столь важномъ, все-таки есть не единственное, что закрываетъ имъ уста. Тутъ есть дѣйствительно нѣчто цѣломудренное, есть рѣзко сознательное нежеланіе выносить словомъ изъ своей души то, что составляетъ самую сущность этой души и потому должно быть на вѣки скоронено въ чловѣкѣ, должно быть цѣльнымъ и нерастеряннымъ возвращено имъ туда, откуда оно пришло.

Отъ этого, вѣроятно, происходитъ то, что о нѣкоторыхъ важнейшихъ сторонахъ чловѣческаго существа и чловѣческой жизни оставлено такъ мало истинно цѣнныхъ словъ во всемирной литературѣ и такъ много посредственнаго и ненужнаго. О нихъ говорили люди, которые даже не понимали, о чемъ собственно они говорятъ, и часто молчали тѣ, которые могли сказать нѣчто дѣйствительно значительное. Но, хотя изрѣдка и почти всегда не прямо, эти слова иногда произносились, и они всѣ запомнены чловѣчествомъ, какъ самая дорогая для него. Въ образахъ поэзіи въ идеяхъ философіи и гораздо рѣже въ прямомъ ученіи во всемирной исторіи было создано хоть и немного, но за то такое что и сообщаетъ ей все значеніе, въ чемъ и лежитъ ея главнѣйшій смыслъ.

Религіозное составляетъ область самую важную изъ тѣхъ, которыхъ изрѣдка дѣйствительно достойнымъ образомъ умѣлъ касаться чловѣкъ. Всѣ великіе умы въ исторіи явно или скрыто тяготѣли къ этой области, и даже по степени, въ которой они испытывали это тяготѣніе, можно судить о ихъ сравнительной силѣ. Но говорить о ней что-нибудь они не могли, и это было причиною, почему они избирали для себя инныя сферы дѣятельности,—искусство, науку или философію, рѣже—политическую дѣятельность; однако на всемъ этомъ уже отразилось то главное тяготѣніе, которому они были подчинены. Они любили и хотѣли только религіознаго, но, не осмѣливаясь любить его прямо, любили его сквозь науку, философію, поэзію. И въ то время, какъ болѣе чувствуя, нежели зная, истинный смыслъ этого тяготѣнія, они о немъ молчали, всѣ остальные, отъ которыхъ не могло укрыться это странное тяготѣніе, пытались опредѣлить его причину, начали произносить о немъ—то положительно, то отрицательно—безчисленныя пустыя слова. Такъ образовалась необозри-

мая, у всѣхъ народовъ, литература о предметахъ религіи, гдѣ всѣ они уже давно объяснены, классифицированы и рассказаны. Но, какъ само собою ясно, эта литература въ дѣйствительности не столько касается религіознаго, сколько появилась потому, что религіозное дѣйствительно существуетъ въ чловѣчествѣ.

Мы уже имѣли случай однажды высказать *), что для народовъ арійскаго племени, вслѣдствіе особенностей ихъ психическаго склада, религіозное доступно съ особеннымъ трудомъ, они чувствуютъ его почти всегда не прямо, рѣдко безъ искаженія и большею частью черезъ посредство другихъ народовъ. Сфера знанія, политической дѣятельности, объективнаго воспроизведенія природы и жизни въ искусствѣ есть настоящая сфера ихъ дѣятельности, и она-то составляетъ неумолкаемый шумъ исторіи, который тысячелѣтія стелется по землѣ, изрѣдка поднимается надъ нею, большею-же частью низко къ ней склоняется. Подобно тому какъ для народа не арійскаго племени странно и чуждо было-бы заинтересоваться внѣшними очертаніями окружающихъ предметовъ, и онъ съ удивленіемъ, какъ на нѣчто непонятное, посмотрѣлъ-бы на попытку найти ихъ геометрическое опредѣленіе; такъ точно для арійца странно и чуждо исключительно религіозное настроеніе и обращеніе мыслью къ тому, что служить его вѣчнымъ источникомъ. И только встрѣчая у нѣкоторыхъ народовъ постояннымъ и всеобщимъ это настроеніе, онъ невольно задумывается надъ нимъ и, даже усвоивъ, перелагаетъ, согласно съ своею психическою природою, въ форму идей о религіозномъ и знанія о немъ. Но и тогда, при всѣхъ средствахъ воспитанія извнѣ, даже дѣлая знаніе религіознаго предметомъ своихъ постоянныхъ занятій, аріецъ рѣдко достигаетъ того, чтобы и все внутреннее его существо обратилось къ религіозному, чтобы оно перестало, наконецъ, быть для него чѣмъ-то внѣшнимъ и лишь занимательнымъ или нужнымъ.

Изрѣдка появлялись, однако, среди этихъ народовъ люди, въ которыхъ ограниченность ихъ племенной природы какъ-бы подавалась и они самостоятельно и извнутри себя начинали ощущать религіозное. Но, подавшись отчасти, эта природа въ главномъ все-таки сохранялась, и вотъ почему, не будучи въ силахъ прямо обратиться къ религіозному и живо чувствуя недостаточ-

*) „Мѣсто христіанства въ исторіи“. Москва. 1890.

ность только внѣшняго обращенія къ нему другихъ людей, они искали его въ природѣ,—то изучая ея явленія, но какъ будто съ мыслью не о ней,—то изображая ея красоту, но какъ будто чувствуя при этомъ красоту чего-то иного.

Къ ряду людей этого типа, очень немногихъ и очень рѣдкихъ, принадлежитъ и разбираемый нами писатель: религіозное составленіе ни разу не названный центръ постояннаго тяготѣнія его мысли * . Отъ того и предметы, надъ которыми онъ вдумчиво фстанавливается, такъ разнообразны, что ни одинъ изъ нихъ не занимаетъ его самъ по себѣ, но лишь въ отношеніи къ иному, о чемъ говорить прямо онъ не хочетъ и не можетъ; отъ того и люди, къ мысли которыхъ онъ прислушивается, такъ до странности несхожи: это и Кювье, недавній творецъ трехъ точныхъ наукъ, и старикъ Платонъ съ его полузабытыми «идеями», и нашъ мистикъ Лабзинъ, цитату изъ котораго не помѣстилъ-бы въ своей статьѣ ни одинъ ищущій популярности, но нисколько не ищущій истины, современный журналистъ. Онъ прослѣдилъ каждый изгибъ мысли въ Герценѣ и въ Ренанѣ, а потомъ захотѣлъ поѣхать на Афонъ, чтобы и тамъ посмотрѣть, какъ чувствуютъ себя и что думаютъ нѣсколько странныхъ анахоретовъ, тотъ-же-ли встревоженный у нихъ взглядъ и то-же-ли смущеніе, которое онъ подмѣтилъ въ такъ хорошо знакомой ему Европѣ. Впечатлѣніе, имъ вынесенное оттуда, было иное, но онъ уже такъ отвыкъ говорить собственно о томъ, что его занимаетъ, чего онъ ищетъ въ людяхъ и въ жизни, что онъ и здѣсь о главномъ умолчалъ и только съ удовольствіемъ рассказываетъ о своей поѣздкѣ въ этотъ своеобразный уголокъ Европы, столь на нее непохожий **).

Всѣхъ людей подобнаго типа можно назвать скорѣе ищущими, нежели уже нашедшими, и вотъ почему такъ много въ европейской литературѣ произведеній религіознаго характера, написанныхъ подъ конецъ жизни людьми, которые о своемъ интересѣ къ религіи прежде ничего не говорили и только отрицательно относились къ тому, что обычно грубо писалось о ней ихъ современниками. Они не хотѣли говорить, пока не нашли, и не дойдя до конца—не могли удержаться, чтобы не высказать хотя

*) Болѣе ясно интересъ къ религіозному высказанъ у него только въ „Критическихъ статьяхъ о И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“, стр. 439—484.

***) См. „Воспоминаніе о поѣздкѣ на Афонъ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1889 г., октябрь.

въ несовершенной формѣ того, чего не успѣли для себя объяснить, но къ чему тяготѣла всегда ихъ мысль. Это тяготѣніе, однако, скрыто опредѣляетъ сферы знанія, литературы или искусства, которымъ была посвящаема и вся остальная ихъ жизнь. Оно-же опредѣлило и кругъ интересовъ разбираемаго нами писателя.

Граница между матеріальнымъ и духовнымъ,—тотъ узелъ, гдѣ мы видимъ, какъ теряются они, но не видимъ, какъ они связываются,—составляетъ главный предметъ вниманія г. Страхова. «Человѣкъ—вотъ узелъ мірозданія, его величайшая загадка и, если-бы ее удалось объяснить—совершенная разгадка этого мірозданія», говоритъ онъ не одинъ разъ въ своихъ трудахъ *). Законы внѣшней, механически устроенной природы, какъ и законы чистой психической дѣятельности хотя и занимаютъ его, но менѣе, нежели та неясная область, гдѣ какимъ-то непостижимымъ образомъ они переплетаются и взаимно переходятъ другъ въ друга. Отъ того физиологія—его любимая наука, и въ ней эмбриологическіе процессы—предметъ его усиленнаго вниманія; и, рядомъ съ этимъ, предметомъ его неустаннаго вниманія служатъ глубокія и скрытыя движенія человѣческаго сердца въ исторіи, его вѣчныя потребности, безъ удовлетворенія которыхъ человѣкъ не можетъ жить и которыя отразились въ литературныхъ и философскихъ произведеніяхъ,—все равно Лабзина или Платона. Съ величайшею отчетливостью онъ видитъ то, что съ противоположныхъ концовъ, какъ исключительно-матеріальное и какъ чисто-психическое, подходитъ къ этому узлу и, точно блѣднѣя, теряетъ ясность своихъ очертаній и наконецъ становится неуловимъ, когда входитъ въ него. Послѣ долгихъ мыслей, онъ наконецъ рѣшается отвергнуть представленіе, къ которому мы всѣ такъ привыкли: организмъ, говоритъ онъ, вовсе не есть предметъ или существо; это есть *процессъ*, послѣдній въ природѣ, черезъ который выдѣляется изъ нея духовное; созданіе его, этого духовнаго, вызвало всѣ особенности организаціи, какъ необходимыя свои условія **). Мы видимъ, что въ этихъ простыхъ и краткихъ словахъ содержится новая точка зрѣнія на двѣ великія области, органическаго и психическаго, связь которыхъ представ-

*) См. объ этомъ въ особенности „Миръ какъ цѣлое“. Спб. 1872.

***) См. тамъ-же.

ляется столь неуловимою. Мы ожидали-бы, что вслѣдъ за установленіемъ этой точки зрѣнія онъ начнетъ искать ея оправданія на всѣхъ частностяхъ организациі: но онъ только опредѣляетъ задачу физиологіи словами: показать, почему для появленія духовнаго та или иная и, въ концѣ концовъ, каждая черта организациі есть условіе необходимо, — и затѣмъ переходитъ къ инымъ областямъ знанія, всюду и тамъ останавливаясь лишь на общихъ точкахъ зрѣнія и не проникая въ глубину частнаго. Этотъ единственный примѣръ лучше всего можетъ объяснить, какимъ образомъ онъ не сдѣлался ученымъ натуралистомъ. Слишкомъ большая субъективность, отсутствіе способности заинтересоваться подробностями такъ-же сильно, какъ и цѣлымъ, помѣшала ему разработать до конца какую-нибудь мысль, и вотъ почему онъ повсюду не обосновываетъ теоріи, но только роняетъ сѣмена, изъ которыхъ могли-бы вырости прекрасныя теоріи, только вкидываетъ различные вопросы или ограниченія въ разработку науки другими, или рѣзко порицаетъ ихъ, когда они уклоняются отъ своихъ задачъ.

Подобное рѣзкое порицаніе ему случилось высказать, когда въ недавнюю пору увлеченія спиритизмомъ наши ученые перемѣшали всѣ области и стали отвергать, ради утвержденія духовнаго, ненарушимость законовъ внѣшней механической природы. Подобное грубое заблужденіе не могло не вызвать протеста со стороны человѣка, уже десятилѣтія стоявшаго надъ вопросомъ объ этомъ-же духовномъ и ясно видѣвшаго, гдѣ лежитъ узелъ его разрѣшенія. Съ необыкновенною силой онъ утвердилъ непреложность и вѣчность законовъ матеріальной, физической природы *), и не только ему самому, но и каждому постороннему читателю, безъ сомнѣнія, больно и трудно было видѣть, какъ самыя ясныя его слова о томъ, гдѣ нужно искать духовное, какъ-будто пропускались мимо и явился удивительный вопросъ среди небрежныхъ его противниковъ: «да ужъ не скрытый-ли онъ матеріалистъ?»

II.

Человѣкъ такъ напряженно живущій мыслью не могъ не стать рационалистомъ, и хотя г. Страховъ нигдѣ этого не выказываетъ, однако для всякаго его внимательнаго читателя не можетъ не

*) См. его «О вѣчныхъ истинахъ (мой споръ о спиритизмѣ)». Спб. 1887.

стать яснымъ глубокой теоретизмъ всего его душевнаго склада. У него нѣтъ трактатовъ по логикѣ или метафизикѣ, всѣ его писанія удивительно просты, и однако за простотою этою невольно чувствуется присутствіе громадной теоретической работы, которая совершилась въ духѣ писателя и только послѣдніе результаты которой мы видимъ въ его утвержденіяхъ и отрицаніяхъ, всегда просто выраженныхъ и въ то-же время глубокомысленныхъ до трудности усвоенія. Но здѣсь, съ этою мыслью объ его теоретизмѣ, невольно связывается мысль о той книгѣ, появленіе которой мы избрали, какъ предлогъ, для того, чтобы поговорить о давно занимающемъ насъ мыслителѣ.

Главный и можетъ-быть лучший сборникъ своихъ статей г. Страховъ озаглавилъ «Борьба съ Западомъ», и это невольно должно удивлять каждаго, кто хорошо освоился съ его умственнымъ міромъ. Авторъ, такъ озаглавливающій свои статьи, не впаль-ли въ недоумѣніе относительно самого себя? Такъ точно разграничивая всѣ области знанія и не терпя смѣшенія ихъ съ другими *), вѣрно-ли опредѣлилъ онъ свое собственное положеніе между двумя великими духовными областями—ветхой и мудрой, которую онъ нашель на Западѣ, и юной еще, неразвитой и часто нелѣпой которую онъ находитъ вокругъ себя и которую иногда такъ страстно ненавидитъ. Правда, къ Россіи и къ ея будущему обращены всѣ его надежды и желанія, но онъ не публикуистъ, онъ прежде всего мыслитель, и какими-же мыслями живетъ онъ? Развѣ не ясно для всякаго, что духовный міръ Европы, глубокая идея ея философіи, чудныя и сложныя зданія ея наукъ — это то самое, во что вросъ онъ своею душою, что живетъ въ немъ такую могущественною и яркою жизнью, какъ быть-можетъ въ немногихъ и европейцахъ. Встрѣчая въ различныхъ мѣстахъ его книгъ слова, въ которыхъ онъ отдѣляется отъ западниковъ и становится на сторону славянофиловъ, недоумѣвающему читателю невольно хочется спросить его: «развѣ въ Васѣ есть это соединеніе простоты и ясности созерцанія, которое присуще нашему народу и отразилось въ простотѣ и ясности его великихъ поэтовъ, какъ-то Пушкинъ и авторъ «Семейной Хроники **)? Развѣ съ жизнью нашего народа связаны Ваши самыя глубокіе интересы? Знаютъ и любитель поэзій, зачитывались-ли Вы когда-нибудь нашими бы-

*) См. тамъ-же, возраженія противъ Вагнера и Бутлерова.

**) Ср. «Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ». Спб. 1888 г.

линами, заслушивались-ли народною пѣсней, слѣдили-ли съ интересомъ за прихотливымъ вымысломъ народной сказки? Развѣ Вы знаете хорошо русскую исторію? Цѣлитель поэзіи «преданій русскаго семейства» въ «Капитанской дочкѣ» и въ «Войнѣ и мирѣ», развѣ Вы искали ее когда-нибудь въ русскихъ мемуарахъ? И, напротивъ, развѣ Вы съ большимъ интересомъ говорите даже о Пушкинѣ, чѣмъ о Ренанѣ и Штраусѣ? Развѣ Вы писали о всѣхъ переменѣхъ прошлаго царствованія столько, сколько о дарвинизмѣ? Развѣ самая идея культурно-историческихъ типовъ занимала Васъ сильнѣе, нежели идеи Клода Бернара объ общей физиологіи? Если когда-нибудь появлялся писатель столь мало мѣстный и такъ слабо связанный съ текущею дѣйствительностью, то это именно Вы. Вѣковѣчные вопросы всего человѣчества, исканіе «вѣчныхъ истинъ», какъ озаглавили Вы одинъ сборникъ своихъ статей,—вотъ Ваша постоянная тревога, главный смыслъ Вашей жизни, и неужели, столько понявъ, вы не поняли смысла всей Вашей дѣятельности?»

Повторяемъ, сомнѣніе это невольно, и можетъ пройти много лѣтъ прежде, чѣмъ для читателя прольется на него хоть какой-нибудь объясняющій свѣтъ. Повсюду, полемизируя съ западниками, онъ поправляетъ ихъ пониманіе главнѣйшихъ идей, которыми живетъ Европа, и нерѣдко поправляетъ въ знаніи ея литературы и философіи. Однажды, дѣлая подобную поправку, онъ замѣчаетъ: «для того, чтобы хорошо понимать Европу, конечно менѣе всего нужно быть западникомъ». Въ словахъ этихъ какъ-будто слышится признаніе, что именно глубокое вниканіе въ духовную жизнь Европы, долгое и постоянное вращеніе въ сферѣ ея идей и интересовъ произвело въ концѣ концовъ и его собственное отчужденіе отъ нея. Въ «Воспоминаніяхъ о поѣздкѣ на Аѳонъ» есть нѣсколько любопытныхъ строкъ, бросающихъ свѣтъ на характеръ этого отчужденія, быть-можетъ болѣе желаемого, чѣмъ уже достигнутаго. «Имѣя два мѣсяца свободныхъ,—разсказываетъ онъ,—мнѣ хотѣлось присоединиться душою къ какой-нибудь людской жизни, идущей не по тѣмъ началамъ, по которымъ мы живемъ... Но гдѣ-же искать другой жизни? Европейскіе нравы и обычаи уже распространились по всему земному шару; вездѣ власть и движеніе, ростъ и сила принадлежатъ Европѣ, а всякая другая жизнь лишена развитія и будущности. Сотни миллионъ людей, еще не уподобившихся европейцамъ, составляютъ лишь слу-

жебное, рабочее, податное населеніе, которое уже не можетъ мечтать о своеобразной культурѣ, о какомъ-либо участіи въ ходѣ исторіи человѣческой». Онъ думаетъ сперва о поѣздкѣ въ Египетъ, но мысль, что и тамъ онъ найдетъ ту-же Европу, какую можно видѣть и въ Петербургѣ, тѣ-же пароходы, гостинницы и итальянскую оперу, останавливаетъ его. Онъ бѣжитъ въ Загребъ, куда поѣхать: «не то же-ли самое и вездѣ, что въ Египтѣ? *Вездѣ остались только обломки и дребезги бывлой жизни, вездѣ туземное населеніе на заднемъ планѣ, лишенное средоточія и самобытнаго движенія, а на первомъ планѣ живетъ и движется Европа*». Ему пришло, наконецъ, на мысль поѣхать на Балканскій полуостровъ; и что-же, не въ родинахъ славянскія страны потянуло его и не въ чужую Грецію, гдѣ онъ могъ-бы еще увидѣть памятники такъ цѣлнмой имъ, такъ понимаемой античной жизни. Онъ останавливается на странѣ, которая должна-бы быть ненавистна и отвратительна для всякаго русскаго и каждаго славянофила: онъ вспоминаетъ, что «у насъ подъ бокомъ есть страна, представляющая высокую занимательность новизны и оригинальности. *Сама страшная Азія, послѣдняя моуцная форма восточной жизни, еще царитъ въ Константинополѣ; на самомъ европейскомъ материкѣ еще сохраняется грозное нѣкогда владычество турокъ*». Цѣлью его поѣздки сдѣлался Константинополь, а по близости сосѣдства онъ посѣтилъ и Аѳонъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ страненъ тонъ всѣхъ приведенныхъ словъ и какъ странно самое желаніе поѣхать посмотрѣть базары и мечети Турціи, чтобы хоть тамъ забыться отъ впечатлѣній Европы, отъ которой некуда теперь уйти. Какъ не похоже это на все, что обычно говорятъ наши путешественники. Г. Страховъ самъ, впрочемъ, не скрываетъ этого различія: «куда ѣхать! зачѣмъ ѣхать?» спрашиваетъ онъ самого себя нѣсколькими страницами выше: «спасти свою душу одинаково надобно и возможно на всякомъ мѣстѣ, и отъ души своей нигде спастись невозможно. Да и вообще, не вездѣ-ли вокругъ насъ люди, а передъ нами земля и небо, всѣ стихіи природы и жизни человѣческой? *И счастливъ, конечно, тотъ, кто прямо живетъ этими окружающими его стихіями, кого не тянетъ въ даль, кто почерпаетъ свою душевную пищу изъ близкой и родной почвы*. Для такихъ людей путешествіе не можетъ имѣть глубокаго интереса; оно всегда будетъ для нихъ только забавою, только охотою».

Только на два мѣсяца оставляя городъ, гдѣ Европа свила одно изъ своихъ гнѣздъ, онъ бросаетъ взглядъ назадъ и произноситъ о людяхъ своего времени и своего положенія нѣсколько словъ, которыя поражаютъ своею вѣрностью и проникнуты какою-то грустью: «Мы, русскіе, легко вникаемъ въ чужую жизнь, легко отдаемся чужимъ понятіямъ, и нельзя не сознаться, что, большею частью, мы этимъ портишь свою душевную дѣятельность. Еслибы мы были посерьезнѣе, то насъ должно-бы ужасать то *отсутствіе крѣпкихъ связей со всякою жизнью, и со своею и съ чужою*, которое у насъ такъ часто встрѣчается. Все мы понимаемъ, всѣмъ умѣемъ интересоваться, и ничѣмъ серьезно не заняты, и ни къ чему не пытаемъ глубокаго, кровнаго участія, кромѣ развѣ своихъ мелкихъ личныхъ выгодъ и прихотей. *Вслѣдствіе долаго умственной блужданія по разнымъ эпохамъ исторіи и народамъ земного шара, русскій образованный человѣкъ часто по душевному складу бываетъ похожъ на отжившаго старика, невольно пришедшую къ той степени отвлеченнаго пониманія, на которой есть вещи равны и нѣтъ уже ничего ни новаго, ни важнаго, а все сливается въ однообразномъ потокѣ вѣчности*».

Какъ напоминаютъ эти слова объ однообразномъ потокѣ вѣчности другія жалобы, которыя онъ подслушалъ у Герцена — на холодный міръ абстракцій, который окружаетъ наконецъ душу человѣка, слишкомъ сильно живущаго теоретическою мыслью. И весь тонъ приведенныхъ строкъ и самъ странный замыселъ посѣтить Турцію и Аѳонъ — не пробуждаетъ-ли все это въ умѣ далекое воспоминаніе объ одномъ тоже писателѣ, о великомъ и странномъ поэтѣ, который оставилъ, и навсегда, свою родину и поѣхалъ въ тѣ-же страны, съ тою-же мыслью прильнуть къ новой, еще не испытанной и первобытной жизни, и тамъ погибъ, сражаясь за свободу возставшаго народа. Но о чемъ поэту мечтается, что онъ хочетъ сдѣлать и дѣлаетъ, то мыслителю всегда хочется только видѣть.

Но не будемъ вдаваться въ аналогіи и сближенія, которыя могли-бы повести насъ слишкомъ далеко. И безъ нихъ не можетъ не стать ясенъ особенный смыслъ вражды противъ западничества, который мы встрѣчаемъ у г. Страхова, но находимъ также и у другихъ славянофиловъ. Есть въ европейской цивилизаціи одна черта, которую очень трудно объяснить, трудно понять, но которой невозможно не почувствовать всякому, кто внимательно

къ ней присматривался. «Страна святыхъ чудесъ»*), она неудержимо влечетъ насъ къ себѣ, и все, что находимъ мы въ ней, мы не можемъ не одобрить, не въ силахъ бываемъ отринути; сколько душевной красоты разлито въ ея исторіи, въ этихъ крестовыхъ походахъ, въ ея свободныхъ коммунахъ, въ величественномъ зданіи средневѣковаго католицизма и въ томъ полномъ одушевленіи возстаніи противъ него, которое мы называемъ реформаціею! Гдѣ найдемъ мы этотъ трепетъ жизни, какой наблюдаемъ въ возрожденіи, гдѣ увидимъ ясновидцевъ-художниковъ, какъ Рафаэль и Мурильо, и окутанные вѣчнымъ полумракомъ чудные каѳедралы, стѣны которыхъ возводились благочестивымъ населеніемъ цѣлыхъ городовъ? И какою мыслью все это облито, мыслью еще болѣе, нежели красотою. Станемъ-ли говорить мы, что все это только внѣшность? Не будемъ ни обманываться, ни обманывать: именно обиліе духа неудержимо влечетъ насъ къ этой цивилизаціи, глубокая вѣра, скрытая въ ея исторіи, чрезвычайное чистосердечіе въ отношеніи къ тому, что она дѣлала въ каждый моментъ этой исторіи, къ чему стремилась, чего хотѣла. Развѣ эти художники, которые постомъ и ночью молитвою приготовлялись къ своему труду, не были глубокіе люди? Развѣ перепуганные и обрадованные спутники Колумба, запѣвшіе «Тебе Бога хвалимъ» на цвѣтущемъ берегу новой земли, не были вѣрующіе? Оставимъ ложное и злое въ своемъ отношеніи къ Европѣ — оно недостойно насъ, недостойно того смысла, уразумѣть который мы хотимъ, подходя къ ней.

Этотъ глубокой, странный и необъяснимый смыслъ заключается въ томъ, что чѣмъ глубже входимъ мы въ духовный міръ Европы и чѣмъ тѣснѣе сливаемся съ нимъ, тѣмъ сильнѣе поднимается въ насъ чувство странной неудовлетворенности, необыкновенной душевной усталости; и, что особенно замѣчательно, эта неудовлетворенность и усталость испытывается и самими европейцами, именно тѣми изъ нихъ, которые являются глубочайшими и послѣдними выразителями ея началъ, движущихъ ею идей. Повидимому, усвоеніе правильныхъ мыслей ея философіи и строгихъ истинъ ея наукъ должно-бы удовлетворить разумъ, который и не ищетъ ничего кромѣ истины, и не стремится къ иному, кромѣ какъ къ правильности въ своемъ мышленіи; чувство должно-

*) Слова Хомякова.

бы испытывать тѣмъ большее наслажденіе, чѣмъ совершеннѣе міръ красоты, который передъ нимъ раскрывается; воля должна-бы быть удовлетворена стройностью и обдуманностью всѣхъ учреждений, черезъ посредство которыхъ она дѣйствуетъ на народныя массы. И это удовлетвореніе всѣхъ способностей человѣческой души дѣйствительно испытывается, оно-то и вовлекаетъ всѣ народы въ своеобразный и чудный міръ европейской цивилизаціи и дѣлаетъ неотразимыми удары, которые она наноситъ прочимъ культурамъ, отъ которыхъ всѣхъ теперь остаются почти только «обломки»,—она-же одна неудержимо и могущественно разрастается по землѣ. Но такъ должно-бы быть до конца, потому что окончательное совершенство мысли, послѣдняя красота искусствъ, полнота всѣхъ учреждений еще болѣе должны-бы удовлетворять требованіямъ человѣческой души, нежели все это въ несовершенной степени, только на пути къ идеалу. И вотъ именно здѣсь-то, гдѣ еще одинъ шагъ—и окончательное вѣчное торжество европейской цивилизаціи было-бы несомнѣнно, обнаруживается то странное явленіе, о которомъ мы заговорили, и неожиданно раскрываетъ двусмысленный характеръ этой цивилизаціи, заставляющій нѣкоторые народы пугливо сторониться отъ нея. По мѣрѣ приближенія къ идеалу, къ завершенію, даже болѣе: по мѣрѣ полнаго проникновенія въ духъ того, что уже и ранѣе, явившись въ Европѣ, съ наибольшею силою выразило въ себѣ это стремленіе,—чувство внутренней удовлетворенности пропадаетъ и замѣняется ощущеніемъ душевной усталости. И тотчасъ-же является вопросъ, не менѣе ясный и неотразимый, чѣмъ и самыя лучшія истины ея наукъ и философіи: развѣ въ цѣломъ своемъ все, что создается человѣкомъ въ его исторіи и что мы называемъ цивилизаціею, имѣетъ какую-нибудь иную цѣль; кромѣ какъ удовлетвореніе человѣка? И если такая цѣль есть, но она не достигнута, то гдѣ-же смыслъ въ этомъ столь осмысленномъ зданіи?

Мы утверждаемъ только фактъ, безъ какихъ-либо объясненій къ нему. Нужно читать великія произведенія европейскихъ поэтовъ, нужно всматриваться въ созданія искусствъ, чтобы почувствовать всеобщность и постоянство этого факта. Что можетъ быть выше нежели «Фаустъ», а сколько невысказанной грусти залегло въ это чудное созданіе, въ это соединеніе высочайшей красоты и самой глубокой мудрости. Нужно читать воодушевленные страницы Шатобріана, Руссо, Ламенэ и множество дру-

гихъ писателей, перечислить которыхъ трудно, чтобы увидѣть повсюду, что чѣмъ глубже проникали они къ тѣмъ скрытымъ силамъ, которыя движутъ европейскую исторію, тѣмъ болѣе покидалъ ихъ духъ свѣтлой радости. И то, что наблюдаемъ мы въ частностяхъ, развѣ не очевидно для всякаго и въ цѣломъ: развѣ когда-нибудь достигало развитіе наукъ такой высоты, какъ въ XIX в.? Не въ этомъ-ли столѣтіи жили самыя великіе поэты, когда еще въ европейской цивилизаціи было столько могущества, въ ея движеніяхъ—столько силы и правильности, когда она давала народамъ столько покоя, такъ заботливо охраняла каждого, столько предоставляла всѣмъ наслажденій и умственныхъ, и эстетическихъ? А счастливы-ли эти народы? Кто кромѣ дурныхъ подходитъ къ этимъ наслажденіямъ? Не ищутъ-ли лучшіе скорѣе какого-то страданія, и не страненъ-ли этотъ фактъ? Кто не смутится отъ него и не задумается надъ смысломъ европейской цивилизаціи и исторіи?

Мы все понимаемъ только въ частностяхъ, смыслъ-же цѣлаго отъ насъ скрытъ. Прослѣдить, что именно произвело это странное явленіе, что наилучшимъ образомъ посаженное дерево приноситъ столь горькій плодъ, мы не въ силахъ. Одно несомнѣнно для насъ, это—что въ европейской цивилизаціи есть какое-то странное искривленіе, что, будучи столь правильной въ частяхъ, она заключаетъ что-то ложное въ своемъ цѣломъ,—и то, надъ чѣмъ трудились столько поколѣній и съ такими надеждами, вовсе не достигаетъ цѣли, ради которой надъ нимъ трудились. Первосвященники, законодатели, мудрецы и поэты цѣлаго ряда народовъ, самыхъ глубокихъ и даровитыхъ въ исторіи, воздвигли чудное зданіе, и вотъ когда оно почти уже готово и осталось положить послѣдніе камни, мы, поздніе потомки ихъ, входя въ это зданіе, испытываемъ странное смущеніе, тревожно—какъ никогда—бьется наше сердце, и рука не поднимается, чтобы подобрать оставшіяся камни и положить ихъ на мѣсто. Великій Гёте задумывается надъ нимъ, Байронъ съ отвращеніемъ и ненавистью бросаетъ въ него свои проклятія, всѣ торопливо стараются выйти и только слѣпые, да совершенно глупые, не испытывая никакого страха, продолжаютъ идти впередъ.

Очевидно, какое-то тонкое и глубокое зло, которое мы не въ состояніи различить, анализировать и понять, вошло въ цѣлый строй европейской цивилизаціи; и для того, чтобы наука достиг-

ла когда-нибудь возможности опѣнить его, повидимому ей нужны гораздо болѣе глубокія свѣдѣнія о природѣ человѣческой души и о строѣ историческаго развитія, нежели какими она обладаетъ теперь. Мы-же можемъ пока только чувствовать, что совершилось что-то похожее на древнюю исторію о томъ, какъ нѣкогда голодный сынъ стараго отца промѣнялъ свое первенство и связанныя съ нимъ обѣщанія на чечевичную похлебку. Что-то невознаградимо-дорогое, безъ чего и невозможно жить, европейское человѣчество утратило, созидавая свою цивилизацію, и томится, войдя въ ея чудныя формы.

Здѣсь именно и лежитъ разгадка нашихъ особенныхъ отношеній къ западной Европѣ и причина возникновенія двухъ великихъ партій, которая въ теченіе цѣлаго столѣтія раздѣляютъ нашу литературу и наше общество на два враждующіе лагеря. Еще не такъ давно проводилась мысль, что значеніе этихъ партій уже минуло теперь, что никто болѣе не можетъ въ настоящее время оставаться ни чистымъ западникомъ, ни исключительнымъ славянофиломъ. Напротивъ, мы думаемъ, что споръ этотъ не конченъ, и даже утверждаемъ, что значеніе его далеко переступаетъ тѣсныя границы національнаго и имѣетъ всемірно-историческую важность. Въ подобномъ-же отношеніи къ западно-европейской цивилизаціи, въ какомъ стоитъ и нашъ народъ, стоитъ длинный рядъ другихъ народовъ, но только у насъ возникъ вопросъ, слѣдуетъ-ли, оставивъ пути самостоятельнаго развитія, вступить на путь европейской цивилизаціи, или удержаться отъ этого? Другіе же народы вступаютъ или готовятся вступить на этотъ путь, не задавшись вопросомъ, который такъ смущаетъ насъ. Ясно, что то или иное рѣшеніе, которое мы вынесемъ для него, будетъ имѣть значеніе и для всѣхъ другихъ народовъ.

Различіе въ отношеніи къ частному и къ цѣлому составляетъ узелъ всѣхъ этихъ вопросовъ,—всего, что мы рѣшали и не умѣли рѣшить, и всего, что намъ предстоитъ разрѣшить—съ трудомъ гораздо большимъ, нежели мы когда-нибудь думали объ этомъ. Когда—два вѣка назадъ—совершался переломъ въ нашей исторіи, великій государь, ведшій за собою нашъ народъ, видѣлъ передъ собою также только частное и къ частному-же относилось каждое его дѣяніе, всякій его замыселъ и каждый поступокъ. Частное-же въ европейской цивилизаціи невозможно не одобрить и нельзя удержаться отъ того, чтобы его не принять. Отсюда—твердость

его дѣятельности, отсутствіе какихъ-либо сомнѣній въ ея благотворности, при величайшей любви къ своему народу, при жертвѣ будущности его—себя, себѣ близкихъ и цѣлаго поколѣнія этого народа. Не могло быть сомнѣнія о томъ, нужно-ли, оставивъ прежній строй войска, завести регулярное, когда первое били, а второе било; нельзя было оставаться при прежнемъ судостроеніи и при неопытныхъ матросахъ и не ввести перемѣнъ, сводившихся къ тому, чтобы люди не тонули болѣе въ морѣ и суда не разбивались. И во всемъ другомъ, также, вопросъ сводился къ ясной и простой дилеммѣ: нужно-ли данное дѣло совершать по-прежнему, дурно, или какъ-нибудь иначе и хорошо; и слѣдуетъ-ли намъ, какъ и прежде, всегда ожидать неуспѣха, или стремиться, надѣяться и наконецъ достигнуть успѣха? Дѣятельность имѣетъ всегда предметомъ своимъ конкретное, единичное, она не можетъ коснуться общаго иначе, какъ черезъ это конкретное, улучшать которое составляетъ задачу всякаго практическаго дѣятеля. Европейская-же цивилизація содержитъ въ себѣ неопредѣленное множество улучшенныхъ формъ всего частнаго, и притомъ во всѣхъ направленіяхъ, и каждый разъ, когда мы думаемъ объ улучшеніи, нашъ взоръ всегда и невольно обращается къ ней. Здѣсь и лежитъ ея неотразимость, и здѣсь-же тайная причина того, почему съ вопросомъ объ отношеніи къ ней всегда связывается вопросъ объ отношеніи къ прогрессу, какъ просто улучшенію, въ абстрактномъ значеніи этого слова. Прошло два вѣка со времени Петра Великаго, цѣлая группа людей съ утонченнымъ умомъ и благородными характерами фанатично борется противъ его дѣла, видитъ въ немъ гибель дорогой Россіи, и всякій разъ, однако, когда имъ предстоитъ не говорить и мыслить, но дѣлать, они дѣлаютъ то самое и такъ именно, что и какъ дѣлаетъ и онъ. Развѣ желая издать «Семейную хронику» своего отца, И. С. Аксаковъ не заботился о томъ, чтобы печатаніе книги было наиболѣе скоро, дешево и красиво? Когда заболѣлъ онъ самъ, развѣ онъ не послалъ за медикомъ, наилучше изучившимъ природу и свойства болѣзни и способы бороться съ ними, по наилучшимъ книгамъ и у наиболѣе опытныхъ учителей? И далѣе, когда уже существуютъ въ странѣ движеніе и торговля, и прорыты дороги, облегающія все это, развѣ можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что ѣздить по нимъ скорѣе—лучше, чѣмъ медленно, что уставать при этомъ тяжело и было-бы лучше не уставать, что

платить дорого трудно, а дешево легко? Но, точно также и министр, вѣдѣнію котораго поручено образованіе подростающихъ поколѣній цѣлаго народа, развѣ не долженъ тревожно заботиться о томъ, чтобы обученіе происходило по наилучшимъ книгамъ и съ помощью наилучшихъ методовъ, чтобы свѣдѣнія, выносимыя дѣтьми изъ школы, были обильны и твердо усвоены? Развѣ не должна была смущать другого министра несправедливость въ судахъ, запутанность и противорѣчія въ законахъ, невообразимая медленность каждаго процесса, и всѣ они не должны были поступать такъ же, какъ поступалъ Петръ Великій въ своихъ заботахъ объ арміи, флотѣ и администраціи, и такимъ образомъ всѣ мы, отъ государя и до послѣдняго бѣдняка, руководимые цѣлью дѣлать каждое дѣло наилучшимъ образомъ, все болѣе и болѣе втягиваемся въ формы европейской цивилизаціи, гдѣ уже все и во всѣхъ направленіяхъ улучшено въ наибольшей степени.

Абстрактность улучшенныхъ формъ и составляетъ могущество европейской цивилизаціи, универсальность ея характера и всемірность ея стремленій; ею одерживаетъ она всѣ побѣды, даже и не стремясь къ нимъ, невольно; противъ нея безсильны борются другія культуры, или тая и претворяясь въ формы этой цивилизаціи, или разбиваясь при встрѣчѣ съ нею. Народы, нѣкогда столь же слабые, такъ же грубые и темные, такъ же гибнушіе въ борьбѣ съ природою и между собою, какъ и другіе, не захотѣли переносить своихъ страданій, какъ терпѣливо переносили ихъ они. Болѣе ярко, чѣмъ всѣ другіе, чувствовали они несправедливость и не захотѣли мириться съ нею, вдумывались въ причины бѣдствій, которая наносила имъ природа, и стали бороться съ ними. Шагъ за шагомъ, въ теченіе полутора тысячелѣтій, они переходили отъ улучшенія къ улучшенію, все болѣе преодолевая препятствія, все чаще научаясь достигать успѣха. Въ неустанной борьбѣ силы ихъ укрѣпились и умъ ихъ изошрился, все шире становилась ихъ дѣятельность; желая прежде избѣжать только невыносимыхъ страданій, они стали, наконецъ, думать о томъ, чтобы не переносить болѣе и легкихъ. Отъ борьбы противъ частнаго, что губило ихъ, отъ стремленія къ единичнымъ цѣлямъ, они стали переходить къ цѣлямъ и заботамъ болѣе общимъ. Изошрившаяся мысль послужила могучимъ средствомъ для всего этого. Ничѣмъ не пренебрегали они, ни у кого не стыдились учиться; но ко всему прилагали свой трудъ и свою мысль—и все претворялось, какъ пища,

въ растущее тѣло ихъ. Надъ чѣмъ не думали никогда люди—они задумались, чего не хотѣли они ни разу—эти народы захотѣли; и поняли они почти все, что доступно для человѣка, и достигли почти всего, чего онъ могъ пожелать. Создались государства и удивительныя учрежденія въ нихъ; возникли стройныя зданія наукъ и чудный міръ философіи. И теперь, послѣ столькихъ вѣковъ историческаго труда, силы этой цивилизаціи такъ напряжены и такъ полны, что, кажется, что-бы ни поставила она для себя цѣлью, она успѣетъ ее достигнуть, и никогда не устанетъ она въ этомъ, потому что именно достиженіе составляетъ высшее ея наслажденіе.

Вотъ почему прогрессъ, какъ улучшение, составляетъ сущность европейскаго развитія, и европейскую цивилизацію можно опредѣлить какъ полноту улучшенныхъ формъ человѣческаго существованія. Однако, кромѣ частнаго, эта цивилизація есть и нѣчто общее; и сверхъ того, что въ ней всѣ части улучшены, есть нѣкоторый смыслъ въ цѣломъ, составленномъ изъ этихъ частей. Въ высшей степени замѣчательно, что Европа сама не знаетъ этого смысла; но не менѣе замѣчательно, что къ нему именно, къ этому общему относится все недовольство, все смущеніе и порою ненависть и отвращеніе, которое она внушаетъ собою. Отсюда вытекаетъ неопредѣленность этого смущенія, кажущаяся безпредметность этой ненависти, которая всегда представляется несправедливо-придирчивою, когда, пытаясь говорить для всѣхъ понятнымъ языкомъ, она обращается противъ чего-нибудь частнаго. Всегда можетъ быть предложенъ вопросъ: почему вы не боретесь противъ этого или того зла въ формахъ политической борьбы, которая для васъ открыта, или путемъ ученыхъ трактатовъ, издавать которые вамъ никто не мѣшаетъ? Отсюда же—тотъ замѣчательный фактъ, что не политическіе и общественные дѣятели, видящіе наибольшее количество еще неисправленныхъ золъ, выказываютъ недовольство европейскою цивилизаціей, но поэты и философы. Первые всегда обращены къ частному и не чувствуютъ общаго; и какъ ни много зла предстоить имъ улучшить,—зная, какъ въ европейской исторіи ничто изъ частнаго никогда не было непреодолимо,—они любятъ эту исторію и созданную ею цивилизацію, на нее одну надѣются, готовы простить все и примириться со всѣмъ, кромѣ какъ съ возстаніемъ противъ нея или даже простымъ ея осужденіемъ. Напротивъ, мыслители и поэты, которые наиболѣе слабо чувствуютъ частное, но за-то наиболѣе глубоко

связаны съ общимъ и, какъ всѣ признають это, наиболѣе чутки и пронизательны изъ всѣхъ людей, непреодолимо и безотчетно отвращаются отъ того, что такъ цѣнятъ и любятъ практики.

Къ этому-же общему относится и отрицаніе, которое высказываютъ славянофилы, и общее-же осуждаютъ они и въ реформѣ Петра. Два вѣка спустя послѣ его преобразованій, все частное, что сдѣлалъ онъ, исчезло: оно или замѣнено другимъ, или уничтожено, или измѣнено до неузнаваемости. Ни одинъ изъ фактовъ, имъ созданныхъ, не существуетъ болѣе вполне, но существуетъ общій смыслъ этихъ фактовъ, о которомъ онъ вовсе не думалъ, и мы живемъ въ циклѣ исторіи, имъ начатомъ, — движемся въ направленіи, имъ данномъ. Только къ этому общему смыслу, который одинъ остался и одинъ значущъ, мы можемъ относить свои сужденія, какъ онъ, въ свое время, только къ частному могъ относить свою дѣятельность. Дилемма, которая была для него такъ проста, для насъ сдѣлалась необыкновенно сложною и трудною. Онъ улучшалъ армію, создавалъ флотъ, искоренялъ злоупотребленія въ администраціи; мы-же, ничего не говоря объ этомъ, думаемъ о разрывѣ въ нашей исторіи, утверждаемъ невозможность нормальнаго роста для дерева, разъ оно переломлено, — мы страшимся за все наше существо и спрашиваемъ: «что же останется отъ насъ, кромѣ языка и его формъ, когда, все стремясь стать лучше, мы шагъ за шагомъ будемъ входить въ улучшенныя формы европейской цивилизаціи и, наконецъ, войдемъ въ нихъ безъ остатка? Не станемъ-ли мы только этнографическою массою, и неужели словарь своеобразныхъ словъ, да своеобразная грамматика, которую мы сами не сумѣли даже обдумать, есть все, что мы оставимъ послѣ себя въ исторіи? Неужели для этого появлялся народъ нашъ и самобытно росъ уже восемь вѣковъ? Мы стали лучше во всѣхъ отношеніяхъ, въ каждой подробности, но какую цѣную купили мы это? Мы стали пустымъ остовомъ, принявшимъ чужое содержаніе послѣ того, какъ его собственное выброшено за ненужностью, стали одеждою, въ которой движется, живетъ и развивается иное вещество, которое сумѣетъ и сохранить ее до времени, но, конечно, и броситъ, когда она износится, и замѣнитъ другою одеждою.»

Вотъ одна половина славянофильскаго отрицанія, вытекающаго изъ общаго взгляда на нашу исторію и будущность нашего народа.

Его вторая половина обращена къ самой европейской цивилизаціи и состоитъ въ отрицаніи ея, основанномъ на знаніи въ ней общаго. Эта цивилизація не можетъ быть нормальною для всего человѣчества, она не нормальна даже для европейской части его, если заканчивается страданіемъ. Пусть все частное въ ней совершенно, — есть глубокая разстроенность въ ея цѣломъ, если вмѣсто того, чтобы испытывать гармонію, радость и успокоеніе, естественную награду столь продолжительнаго труда, духъ человѣческій испытываетъ въ ней неудовлетворенность. Происходитъ-ли это отъ того, что столь совершенныя части въ ней несовершенно соединены, — эта дисгармонія отражается разстроенностью духа, нарушеніемъ въ немъ гармоніи, или другое-что закралось въ европейскую цивилизацію — этого рѣшить невозможно. Но какъ несомнѣнно, что стремиться къ страданію какъ вѣнцу своего бытія было-бы ложно, такъ-же несомнѣнно, что человѣчество должно удержаться отъ того, чтобы вступать всецѣло въ формы европейской цивилизаціи.

Ясно, что подобное отрицаніе могло быть результатомъ не безотчетнаго, инстинктивнаго отвращенія слѣпыхъ национальныхъ инстинктовъ противъ стремящейся вытѣснить ихъ иной культуры. И дѣйствительно, оно всегда сосредоточивалось въ тѣсномъ кругѣ немногихъ людей, утонченныхъ по своему образованію, въ высокой степени склонныхъ къ обобщенію, наконецъ свободныхъ по своему положенію отъ какихъ-нибудь частныхъ заботъ или единичныхъ и временныхъ интересовъ. Они не были людьми, отрицающими то, что они мало понимали; напротивъ, они отрицали именно потому, что слишкомъ глубоко поняли то, что другимъ извѣстно было только своею поверхностною стороною и лишь въ частностяхъ. Скажемъ болѣе: они были люди до конца выполнившіе мысль Петра I, и именно изъ полноты этого выполненія вынесшіе ея отрицаніе; тогда какъ всѣ остальные еще только движутся въ предѣлахъ этой мысли, только идутъ выполнять ее, главную-же, коренную часть своего существа продолжаютъ оставаться людьми дореформенными: дѣятельность и благожелательность, какъ и въ самомъ Петрѣ I, остается ихъ главною чертою. Такимъ образомъ, если мы глубже всмотримся въ психическій складъ славянофиловъ и западниковъ, мы найдемъ въ немъ обратное тому, что они видимо утверждаютъ. Западники являются таковыми лишь въ своихъ стремленіяхъ, и именно потому, что по

своему духовному содержанию и его складу они остаются часто еще нетронутыми русскими; славянофилы такъ страстно тянутся прикоснуться къ родному, такъ глубоко понимаютъ его и такъ высоко цѣнятъ именно потому, что такъ безвозвратно, быть-можетъ, уже порвали жизненную связь съ нимъ, такъ повѣрили нѣкогда универсальности европейской цивилизации и со всею силой своихъ дарованій не только въ нее погрузились, но и страстно коснулись тѣхъ глубокихъ ея основъ, которыя открываются только высокими душамъ, но прикосновение къ которымъ никогда не бываетъ безнаказаннымъ. Кто станетъ отрипать, что во многихъ нашихъ западникахъ, оставшихся таковыми до конца, не болѣе жилъ ясный и спокойный духъ нашего народа, и кто не замѣтитъ, напротивъ, нѣкоторой сумрачности въ складѣ чувства и глубокаго теоретизма въ складѣ ума увсѣхъ нашихъ славянофиловъ? Исторіи, самой конкретной изъ наукъ, они никогда не изучали ради ея самой, обращались къ ней лишь за пособіемъ для оправданія своихъ теорій; они не любили факта, какъ такового; даже изъ всѣхъ русскихъ историковъ совпалъ съ ними во взглядѣ на нее, равно какъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, единственный, который обрабатываетъ ее, и съ такимъ успѣхомъ, теоретически *); напротивъ, самый слабый изъ нашихъ историковъ по силѣ обобщенія и наиболѣе привязанный къ конкретному **) былъ чистый западникъ.

Едва-ли не здѣсь слѣдуетъ искать разгадки постоянной безуспѣшности славянофильскаго ученія: ихъ мудрость не привлекала къ себѣ, ихъ горячее слово не убѣждало; холодъ и почти враждебность всегда окружали ихъ. Они сами склонны были приписывать это глупости окружающихъ, и высокомѣрное отношеніе ихъ къ людямъ и фактамъ своего времени общеизвѣстно. Но кажется, что причины здѣсь лежатъ гораздо глубже. Онѣ скрываются въ дисгармоніи ихъ психическаго склада съ психическимъ складомъ нашего общества, или слабо тронутаго, или еще не тронутаго европейскою цивилизаціей.

Понять, въ чемъ именно разошлись двѣ великія партіи нашего общества—значитъ понять глубокую правоту каждой изъ нихъ,

*) В. О. Ключевскій. См. предисловіе къ его „Боярской думѣ древней Руси“, напечатанное предварительно въ „Русской мысли“, а также извѣстный разборъ типа Онѣгина.

**) Разумѣемъ Костомарова.

невозможность для одной изъ нихъ поступать иначе и для другой—иначе мыслить. Понять особенности въ психическомъ ихъ складѣ—значитъ понять множество литературныхъ явленій. Мы обращаемся снова къ одному изъ нихъ, которое такъ надолго оставили для этихъ общихъ разсужденій.

III.

«Неудовлетворенность тѣмъ, что обыкновенно называется познаниемъ, есть чувство очень обыкновенное», писалъ г. Страховъ въ 1887 г., по поводу своей полемики съ Бутлеровымъ, который обнаружилъ это чувство и высказалъ его въ прекрасныхъ и глубокихъ словахъ.—«Не только питаюсь естественно-научными познаниями, но *помощая и всякія друія*, мы можемъ оставаться совершенно голодными. Не возможно ли составить общую и точную формулу этого недовольства? Когда я окончилъ свою книгу «Миръ какъ цѣлое» (1872 г.), въ которой съ увлеченіемъ развивалъ главныя и общія ученія о природѣ, мною овладѣло это чувство неудовлетворенности, и я позволю себѣ привести здѣсь то мѣсто, гдѣ я пытался тогда дать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ *). Мы повторимъ его также, потому что оно можетъ служить ключомъ объясненія ко всей литературной дѣятельности г. Страхова. Высказанное и повторенное на разстояніи двадцати пяти лѣтъ, оно обнимаетъ почти всю его дѣятельность:

«Если мы чувствуемъ недовольство этимъ взглядомъ (т.-е. тѣмъ, который изложенъ въ книгѣ), если онъ въ насъ что-то затрогиваетъ и чему-то противорѣчитъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что источникъ такого сомнѣнія заключается не въ умѣ, а въ какихъ-нибудь другихъ требованіяхъ души человѣческой. Человѣкъ постоянно почему-то *враждуетъ противъ рационализма* (курсивъ автора), и эта вражда упорно ведется всѣми, спиритуалистами и материалистами, вѣрующими и скептиками, философами и натуралистами».

«Отдать себѣ отчетъ въ этой враждѣ есть величайшая задача мысли» **).

Вотъ слова, могущія внушить самое глубокое удивленіе. Обра-

*) Н. Страховъ: „О вѣчныхъ истинахъ (Мой споръ о спиритизмѣ)“. Спб. 1887, стр. XXIX.

**) Его-же: „Миръ какъ цѣлое“. Спб. 1872, стр. IX.

шаясь къ самому предисловію книги «Міръ какъ цѣлое», мы узнаемъ изъ него, что основою для мыслей автора, развитыхъ въ этой книгѣ, послужили, во первыхъ, данныя естественныхъ наукъ и, во вторыхъ, философія Гегеля, именно его діалектика. Ланге въ «Исторіи матеріализма» замѣчаетъ, что одна спеціальная работа въ какомъ-нибудь отдѣлѣ естествознанія болѣе знакомитъ того, кто произвелъ ея, съ общимъ духомъ и методомъ всего круга наукъ о природѣ, нежели самая обширная начитанность въ этихъ наукахъ, сдѣланная съ цѣлью ознакомиться съ ихъ содержаніемъ въ послѣднихъ выводахъ. Это условіе, очень рѣдко выполняемое, было выполнено г. Страховыхъ. Но уже спеціальныя работы (произведенныя имъ въ области сравнительной анатоміи) внушили ему столь общую идею, какъ идея рациональнаго естествознанія. Склонности ума совлекли его съ пути чистаго естествознанія, или, точнѣе, онъ вошелъ въ болѣе широкій и гибкій міръ философіи, чтобы съ точекъ зрѣнія, въ ней открывающихся, посмотреть на тѣ данныя, которыя въ кругѣ наукъ о природѣ скорѣе излагаются только, нежели объясняются.

Интересъ къ факту, однако, уже настолько окрѣпъ въ немъ, что во всемъ рядѣ послѣдующихъ философскихъ трудовъ его мы не находимъ и тѣни развитія чистыхъ понятій, съ какимъ обычно встрѣчаемся въ философскихъ книгѣхъ, но видимъ только философскій анализъ, приложенный къ явленіямъ внѣшней природы или внутренней жизни человѣка. Философія Декарта и философія Гегеля наиболѣе, какъ кажется, послужили къ выработкѣ его міросозерцанія, и обѣ не столько содержаніемъ своимъ, сколько методомъ. Въ первой онъ нашель принципы, и до сихъ поръ развиваемые физическими науками: это—принципы механическаго объясненія природы; во второй онъ нашель разработку категорій, т.-е. понятій, не сводимыхъ одно на другое и однако выводимыхъ другъ изъ друга, подъ которыя подводятся, какъ подъ общее, всѣ единичныя явленія природы и всѣ разнообразныя ея области.

Такимъ образомъ подъ рационализмомъ, неудовлетворенность которымъ почувствовалъ г. Страховъ, разумѣется не какая-нибудь односторонность научнаго изслѣдованія, но духъ знанія во всей широтѣ его, въ его цѣломъ; и въ этомъ духѣ, которымъ онъ такъ глубоко и, повидимому, такъ доврчиво проникся въ началѣ, ничто не было привлечено тѣмъ народомъ, къ которому

онъ принадлежалъ: онъ возникъ и выросъ въ западной Европѣ, какъ одна изъ лучшихъ и самыхъ совершенныхъ формъ ея развитія. Въ различныхъ мѣстахъ его многочисленныхъ книгъ можно видѣть, до какой степени высоко въ немъ понятіе о наукахъ, какъ удивляется онъ твердости ихъ началъ и выдержанности ихъ методовъ. И вотъ, однако, противъ этихъ именно наукъ, предмета его главнаго удивленія, очевидно не въ частностяхъ ихъ, но въ цѣломъ, поднимается у него чувство общей неудовлетворенности.

Высказанное болѣе нежели четверть вѣка назадъ, оно опредѣлило его отношеніе къ западно-европейской цивилизаціи и къ той, которой смыслъ еще неизвѣстенъ, но которая можетъ, при благоприятныхъ условіяхъ, развиваться въ средѣ нашего народа. Отсюда — горячая его полемика (противъ г. Вл. Соловьева) въ защиту книги Данилевскаго «Россія и Европа», гдѣ развита теорія культурно-историческихъ типовъ, какъ ряда своеобразныхъ цивилизацій, развивающихся въ историческомъ процессѣ человечества; онъ-же первый, въ журналистикѣ*), и привѣтствовалъ и объяснилъ главный смыслъ этой книги. Отсюда участливое его вниманіе къ судьбамъ славянофильской партіи, высказавшееся наприм. въ статьѣ «Поминки по И. С. Аксаковѣ», одной изъ лучшихъ въ сборникѣ «Борьба съ Западомъ» (т. 1). Отсюда—всегда исполненныя уваженія слова его о русскомъ народѣ и его исторіи. Но когда читаешь ихъ, всегда и невольно приходятъ на умъ его «Воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ», который былъ его близкимъ другомъ и товарищемъ по журнальной дѣятельности (см. первое посмертное изд. сочиненій Достоевскаго, 1882 г., т. 1). Слишкомъ глубокій теоретизмъ душевнаго склада потому, быть можетъ, и вызываетъ неудовлетворенность, что всякаго, кто имѣлъ несчастье дойти до него, онъ отдѣляетъ глубокою и уже никогда не переступаемою чертою отъ всего живого и единичнаго. Тѣ связи, которыя соединяютъ каждаго съ окружающею средою, какъ будто перерываются, и глубокое внутреннее одиночество, способность ко всякому предмету или явленію, къ лицу, народу или исторіи становится лишь въ отношеніе наблюдателя и мыслителя—есть невольное послѣдствіе этого проступка противъ собственной души, есть неизбѣжная кара за нарушеніе гармоніи ея въ

*) Въ „Зарѣ“ за 1871 г., мартъ.

развитіи. Мы склонны думать, что эта отчужденность теоретическаго ума была присуща и разбираемому нами писателю, и всякій разъ, когда онъ привязывался къ чему-нибудь, онъ собственно оцѣнивалъ дорогія ему качества и влекся болѣе къ нимъ, нежели къ ихъ живому носителю. Это не можетъ не причинять глубокаго внутренняго страданія, и отсюда-то, думается намъ, вытекла та особенность, что неудовлетворенность рационализмомъ высказалась у г. Страхова какъ «враждебность» къ нему, а не какъ простое сознание его недостаточности только; не менѣе значительно и то, что попытавшись истолковать точный смыслъ этой враждебности, онъ заговорилъ объ исполненіи *долга*, какъ о томъ, что можетъ болѣе всего другого успокоить встревоженный духъ человѣка *). Понятіе долга, выросшее на холодной почвѣ Рима, абстракцій его права и тоски его стоицизма есть лишь сомнительная замѣна истинныхъ чувствъ, которыми жива всякая жизнь. Должное указывается умомъ и выполняется, когда болѣе не поддается сердцемъ и жизнь уже не творится, не играетъ, но только поддерживается.

Мы входимъ здѣсь въ темную, всегда скрытую область соотношенія отдѣльныхъ сторонъ психической жизни. Духовный міръ человѣка есть уже отъ начала нѣчто въ высшей степени сложное, но одновременно съ этимъ и нѣчто глубоко гармоничное, цѣльное. Сохранить эту цѣльность, не разстроить эту гармонию душевныхъ силъ есть важнѣйшая задача всякаго личнаго существованія, но она, къ несчастію, сознается человѣкомъ тогда уже, когда разстроена непоправимо. Грусть, доходящая до помѣшательства у Гамлета и вызывающая въ Фаустѣ жажду, возвратившись къ юности, вторично и иначе пережить свою жизнь, вытекаетъ изъ того именно, что въ нихъ обоихъ основная гармонія души была нарушена, что у одного надъ волею, а у другого надъ чувствомъ такъ воспребладала мысль. Но уроки особенно глубокіе для человѣка всегда выслушиваются имъ небрежно, или не понимаются; ихъ правда и трудно выполнить. Во всякомъ случаѣ духовное развитіе, которое старается дать намъ государство и общество, къ которому мы стремимся сами, всегда почти состоитъ въ томъ, даже начинается съ того, чтобы нарушить цѣльность и гармоничность внутренней жизни. Мы силимся стать виртуозами, не замѣчая, что становимся только калѣками.

*) „Міръ какъ цѣлое“, стр. X.

Трудно сохраняемая въ личномъ существованіи, эта гармонія душевныхъ способностей еще неизмѣримо труднѣе сохраняется въ исторіи, и мы склонны думать, что глубокая разстроенность европейской цивилизаціи объясняется чрезмѣрнымъ нарушеніемъ въ ней равновѣсія духовныхъ элементовъ, подавленностью однихъ изъ нихъ, исключительнымъ развитіемъ другихъ, наконецъ несогласованностью ихъ всѣхъ между собою. Сюда слѣдуетъ, быть можетъ, присоединить ложность и самаго типа, по которому развиты по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ этихъ элементовъ. Со всѣмъ этимъ въ высшей степени соединена необыкновенная изощренность, высокое совершенство частей и чрезвычайное могущество, видимое обиліе жизни—все то, о чемъ мы единственно и можемъ утверждать, что оно несомнѣнно присуще европейской цивилизаціи. Но не будемъ слишкомъ входить въ разсмотрѣніе этихъ трудныхъ вопросовъ; и сказаннаго достаточно, чтобы понять отчетливо, какими путями разбираемый нами писатель пришелъ ко всѣмъ своимъ отрицаніямъ и утвержденіямъ.

Перенесенное страданіе, какъ и испытанное счастье, всегда является источникомъ завѣтнаго и непреклоннаго въ нашихъ убѣжденіяхъ; оно-же открываетъ для насъ и внутреннюю, тайную жизнь чужой души, углубивъ и усложнивъ жизнь собственной. Въ незамѣтномъ уклонѣ мыслей, въ особомъ тонѣ рѣчи мы открываемъ присутствіе чертъ, которыя не можемъ не сознать и въ собственномъ, и по нимъ заключаемъ безошибочно общности причинъ, которыя ихъ вызвали. Эту проищательность сужденія, основанную на богатствѣ собственной внутренней жизни, мы находимъ у г. Страхова. Неудовлетворенность—и безотчетная—одною изъ самыхъ общихъ и великихъ формъ европейской цивилизаціи, дала ему возможность безошибочно опредѣлить подобное-же недовольство ею и въ другихъ умахъ, которое сказалось также враждебно, повело къ такимъ-же, какъ и у него, страстнымъ отрицаніямъ. Рационализированіе природы въ философіи и наукѣ, безграничное стремленіе, избѣгая всякаго страданія, улучшать каждую частность жизни и черезъ это надежда достигнуть ея полнаго совершенства, вѣра въ могущество своей природы и отверженіе необходимости для себя какой-нибудь помощи въ религіи—все это можетъ считаться главными и самыми общими чертами европейскаго общества второй половины XIX-го вѣка. Въ цѣломъ рядѣ западныхъ писателей онъ открываетъ,

какъ вѣра въ рационализмъ столь-же горячая, какую онъ исповѣдывалъ нѣкогда, привела ихъ къ недовольству и отрицанію другихъ сторонъ европейской цивилизаціи, то подавляемому еще, какъ у Штрауса, то колеблющемуся, какъ у Д. С. Милля, то исполненному какого-то недоумѣнія, какъ у Фейербаха; то открытому и рѣзкому, какъ у Ренана и отчасти у Герцена *).

Но если для западно-европейскихъ писателей за отрицаніемъ своей цивилизаціи остается только сумракъ и отчаяніе, то для писателя иного народа, еще не вошедшаго окончательно въ формы этой цивилизаціи, остается надежда на возможность иной культуры. Къ этой надеждѣ примыкаетъ, изъ нея исходитъ вся критическая дѣятельность г. Страхова.

Одно изъ самыхъ удивительныхъ заблужденій славянофильской партіи составляетъ мнѣніе, что пережитое въ два послѣднія столѣтія нашимъ обществомъ можетъ быть какъ-то забыто, и мы снова можемъ вернуться къ простотѣ своего быта до реформы Петра, чтобы затѣмъ продолжать свою исторію такъ, какъ будто бы въ ней не было перерыва. Здѣсь забывается, что если все можемъ мы измѣнить, все заимствованное—снять съ себя, то не можемъ возвратиться къ простотѣ прежняго созерцанія, не можемъ истребить въ себѣ понятій и чувствъ, усвоенныхъ и сложившихся въ два послѣдніе вѣка. А въ нихъ, очевидно, и заключается все дѣло; формы-же быта и все прочее внѣшнее являются лишь необходимою ихъ оболочкою, которая не можетъ не соотвѣтствовать своему внутреннему содержанию. Такимъ образомъ возможность иной культуры въ нашей исторіи обуславливается возможностью для насъ, сохраняя уже возникшую сложность своего созерцанія, перейти въ немъ съ типа западно-европейскаго къ типу иному, который соотвѣтствовалъ-бы тому, какой въ неразвитой формѣ продолжаетъ и до сихъ поръ существовать въ нашемъ простомъ народѣ. Эта возможность дѣйствительно открывается въ нашей литературѣ, историческія заслуги которой теперь нельзя даже и оцѣнить.

Въ произведеніяхъ ряда поэтовъ и художниковъ, начиная отъ Пушкина, послѣ нѣкотораго колебанія и склоненія въ сторону западно-европейскихъ типовъ духовной красоты человѣка, мы

*) См. „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, т. 1. и первое издание 2-го т. (статья о Фейербахѣ).

замѣчаемъ возвращеніе къ самостоятельности и созданіе типовъ и характеровъ, въ безусловной нравственной красотѣ которыхъ мы не можемъ сомнѣваться,—передъ которыми преклоняются, какъ только узнаютъ ихъ, и западные писатели, и которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно гармонируютъ съ душевнымъ складомъ, до сихъ поръ живущимъ въ нашемъ простомъ народѣ. Эта особенность нашей литературы впервые была замѣчена и оцѣнена Ап. Григорьевымъ,—критикомъ, который ни при жизни, ни послѣ смерти не былъ оцѣненъ по достоинству. Онъ открылъ новую точку зрѣнія на нашу литературу, и такъ какъ она есть истинная, то трудно допустить мысль, чтобы она не стала когда-нибудь общепринятою. Съ чуткостью, которая послѣ всего сказаннаго должна быть ясна, г. Страховъ понялъ вѣрность этого воззрѣнія, оцѣнилъ всю его значительность для нашего духовнаго развитія и со всею страстностью примкнулъ къ воззрѣніямъ Ап. Григорьева. Онъ собралъ его статьи, разсѣяныя въ малораспространенныхъ журналахъ, и привелъ ихъ въ систематическій порядокъ, издалъ, со своимъ предисловіемъ, біографіею и указателемъ *). Къ величайшему сожалѣнію, изданіе это не имѣло успѣха. Въ долгіе годы послѣдующей собственной литературной дѣятельности онъ испыталъ самъ, какъ трудно добиться въ читающемъ обществѣ вниманія, какъ всякая оригинальность и самостоятельность проводимыхъ воззрѣній сопровождаются враждебностью или отчужденностью остальной журналистики, въ своей совокупности представляющей непреодолимую силу, способную какъ дать распространеніе самымъ пустымъ мыслямъ, такъ и задавить идею, самую высокую и плодотворную.

Энергія дѣятельности, когда она неутомима и сопровождается талантомъ, можетъ однако преодолѣть и эту косную силу. Въ рядѣ собственныхъ превосходныхъ статей по поводу «Войны и мира», г. Страховъ изложилъ предварительно точку зрѣнія Ап. Григорьева, и тѣмъ гораздо болѣе, нежели изданіемъ его сочиненій, способствовалъ ознакомленію съ нею широкихъ слоевъ читающаго общества **). Затѣмъ эту-же точку зрѣнія онъ приложилъ и къ разбираемому произведенію. Ихъ глубокое соотвѣтствіе, какъ теоріи и факта, не могло не поразить всякаго. Въ от-

*) Сочиненія Аполлона Григорьева, т. 1. Спб. 1876.

**) „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“, первое изд. 1885, второе въ 1887.

ношеніи ко всему предыдущему развитію нашей литературы, великая эпопея г. Толстого являлась свѣтлымъ и высокимъ торжествомъ той стороны ея, которая впервые сказала у Пушкина, была совершенно не понята его современниками и послѣдующими критиками, и оцѣнена впервые Ап. Григорьевымъ.

Но и для самого г. Страхова появленіе «Войны и мира», можно думать, было важнымъ моментомъ во внутреннемъ развитіи. То, чего онъ смутно искалъ, чего ожидалъ съ сомнѣніемъ, появилось въ образахъ удивительной красоты и твердости, передъ которыми невольно склонилось читающее общество, еще не понимая всего ихъ значенія. Ни для кого значеніе это не могло быть такъ ясно, какъ для него. Въ шести томахъ громаднаго литературнаго произведенія онъ нашелъ двѣ строчки, мимоходомъ брошенныя авторомъ, въ которыхъ была сгруппирована вся мысль романа, быть можетъ не такъ отчетливая для самого знаменитаго художника. Эти строчки онъ избралъ эпиграфомъ для своего разбора. *«Идти величія тамъ, идти чинъ простоты, добра и правды»* — въ этихъ короткихъ словахъ содержится указаніе иного и высшаго типа для всемірной исторіи, по которому она еще никогда не двигалась и который хранится, какъ нравственный идеаль, безсознательно, въ нѣдрахъ народа нашего; по нему, конечно ступая и вкривь, и вкось, развивался и быть нашъ до реформы Петра. Этотъ типъ можетъ быть удержанъ при всей сложности развитія, при всякой высотѣ умственныхъ созерцаній или обширности замысловъ и стремленій. Нельзя не согласиться, что онъ есть норма для человѣческаго духа и мѣрило достоинства для человѣческой дѣятельности. Придерживаясь его, первый никогда не почувствуетъ неудовлетворенности и тревоги, а вторая успеетъ достигнуть всякихъ цѣлей. Если мы всмотримся въ двухъ-тысячелѣтнюю исторію западной Европы, мы увидимъ, что все великое, въ ней совершившееся, совершилось по инымъ типамъ, нежели этотъ. Могущество внѣшняго авторитета въ одни моменты ея развитія, свобода личной совѣсти въ другіе, гражданское равенство въ третьи, далѣе спиритуализмъ или матеріализмъ возрѣній, чувствъ и отношеній—вотъ окончательныя цѣли, которыя преслѣдовались западными народами и породили великіе циклы ихъ развитія: католицизмъ и реформацію, систему централизованныхъ государствъ и революцію, рыцарство и промышленность, аскетизмъ монастырей и шумъ энциклопедистовъ. Идеаль всегда бы-

ваетъ несложенъ, онъ называется двумя-тремя словами, но его осуществленіе на всѣхъ ступеняхъ жизни, проникновеніе имъ всѣхъ формъ развитія, всѣхъ моментовъ личнаго существованія и общественныхъ отношеній наполняютъ собою вѣка народной жизни, поглощаютъ трудъ безчисленныхъ поколѣній. Западная Европа въ теченіе всего послѣдняго столѣтія движется въ предѣлахъ мысли, которую мы можемъ читать въ двухъ словахъ, вырѣзанныхъ на французскихъ пушкахъ, хранимыхъ въ Московскомъ Кремлѣ—«liberté, égalité»: сюда примыкаютъ рядъ монархій и республикъ, законодательства и журналистика, индустрія и пролетаріатъ. Итакъ, слова эти кратки, но смыслъ ихъ дологъ. Не трудно понять, какъ забвеніе великаго идеала, хранимаго въ нашемъ народѣ, пренебреженіе которою-нибудь изъ его чертъ, порождаетъ наше безсиліе достигнуть хоть какихъ-нибудь изъ своихъ цѣлей, и не нужно быть особенно проницательнымъ, чтобы предвидѣть, до какой степени легко и радостно мы достигли бы ихъ всѣхъ, еслибы въ стремленіи своемъ дѣйствительно были всегда просты, совершенно правдивы и не заботились ни о чемъ, кромѣ добра. Но къ добру мы примѣшали лживость, къ правдѣ—ожесточеніе, извратились сами и извратили свою жизнь, и несемъ ее какъ бремя, ненавистное для себя и для другихъ.

Къ разбору «Войны и мира» прилегаеть, какъ къ своему центру, и вся остальная критическая дѣятельность разбираемаго нами писателя. Въ ней особенно слѣдуетъ отмѣтить превосходныя «Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ» (Спб. 1888). Въ противоположность основнымъ славянофиламъ, которые гениальнаго, но извращеннаго Гоголя признавали самымъ великимъ дѣтелемъ въ нашей литературѣ, потому что онъ отрицаніемъ своимъ совпалъ съ ихъ отрицаніемъ, вѣтвь этой партіи, къ которой принадлежалъ и г. Страховъ, выдвинула Пушкина. Ясность и спокойствіе этого поэта, равно какъ широта его симпатій, болѣе соотвѣтствовала положительному характеру идеаловъ этой вѣтви славянофильства, главными представителями которой были, кромѣ разбираемаго нами критика, Ап. Григорьевъ и Ф. М. Достоевскій; къ ихъ-же кругу принадлежалъ и Н. Я. Данилевскій. Пушкинъ сдѣлался центромъ ихъ симпатій и толкованій. Въ его знаменитомъ стихотвореніи «Возрожденіе» они видѣли высказанную судьбу каждой сколько-нибудь даровитой русской души: долгое скитальчество за идеалами, страстное и не окончательное прекло-

неніе передъ идеалами чужихъ народовъ, утомленіе всѣми ими и возвращеніе къ идеаламъ своего родного народа.

Это можно почти толковать такъ, что уже при первомъ выступленіи на историческое поприще каждый народъ, какъ и всякій рожденный человѣкъ, въ своихъ скрытыхъ духовныхъ дарахъ носитъ опредѣленіе своей судьбы. Въ теченіе долгаго времени онъ смутно и безотчетно идетъ правильнымъ путемъ, руководимый этими раскрывающимися дарами, но не сознавая ихъ. Но настаетъ время, когда онъ сходитъ съ этихъ путей, и временныя желанія, придуманныя цѣли становятся его руководителями. Онъ называетъ это время періодомъ пробужденія въ себѣ сознанія, пробужденія своей личности въ исторіи. Однако онъ скоро познаетъ, какъ недостаточны его силы для поддержанія его на этихъ путяхъ, какъ слабъ его умъ для выбора наилучшихъ изъ нихъ. Измученный и не достигнувъ ничего, онъ снова возвращается тогда на великіе пути, по которымъ шель раньше. Но все перемѣняется теперь: не тотъ уже и онъ, и иначе понимаетъ онъ путь, который уже совершилъ и который ему предстоитъ еще окончить. Онъ догадывается, наконецъ, что было сознаніе, великое и глубокое, которое и вывело его на историческую сцену и долго вело по ней; не мысль своею, но дѣянїями,—повиновѣніемъ—онъ совпадалъ и прежде съ этимъ сознаніемъ. Утомленный, онъ и теперь хочетъ только повиноваться ему и повинется; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ совпадаетъ теперь съ нимъ своею мыслью. Этотъ послѣдній періодъ и есть періодъ дѣйствительнаго сознанія, которое можно назвать мудростью.

Мы поставили для себя задачу — указать главныя линїи въ строѣ мышленія избраннаго писателя и объяснить ихъ происхожденіе; при этомъ, естественно, мы опустили все частное, что содержится въ его трудахъ. Сдѣлаемъ теперь общую характеристику его значенія.

Прекрасная и уже обширная въ поэтическомъ и художественномъ отношенїяхъ, наша литература не даетъ еще достаточной пищи для ума собственно, для размышленія. Любя своихъ великихъ писателей и постоянно перечитывая ихъ, мы можемъ воспитаться нравственно: научиться съ достоинствомъ проходить свою жизнь, быть внимательными ко всякому страданію и воздерживаться отъ всякаго зла. Кругъ отношеній къ ближнему, къ своему народу, разныя житейскія отношенія — все это истолковано въ об-

рязахъ нашей литературы съ удивительнымъ разнообразіемъ, съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца.

Но если проходить свой жизненный путь правильно есть главная, первая и высшая задача всякаго человѣка, то за нею остается еще и другая. Часть жизни своей всякій человѣкъ проводитъ наединѣ и здѣсь онъ невольно обращаетъ свою мысль не къ временному и текущему, что окружаетъ его, но къ вѣчному и постоянному. Онъ хочетъ сколько-нибудь уразумѣть тотъ міръ, въ которомъ мгновеніе назадъ появился и черезъ мгновеніе-же исчезнетъ, хочетъ унести съ собою что-нибудь вѣчное. Это желаніе дѣлается источникомъ размышленія.

Чего-либо соотвѣтствующаго ему недостаетъ въ нашей литературѣ, и мы склонны думать, что въ ближайшемъ будущемъ ея главною заботою станетъ восполненіе этого недостатка. Нужно понять эту великую задачу во всей ея строгости, нужно относиться къ ней съ тою-же простотою и серіозностью, съ какою относится къ ней каждый въ глубинѣ своей души, наединѣ съ собою. Для литературы это задача неизмѣримо-трудная. Заинтересоваться единственно предметомъ своимъ и относиться къ читателю такъ-же правдиво, какъ къ самому себѣ — это можетъ быть доступно только высокимъ душамъ.

Имъ и будетъ принадлежать умственное воспитаніе нашего общества, руководство его мыслью. Не разъ, вчитываясь въ многочисленные труды разобраннаго нами писателя, мы старались дать себѣ отчетъ, почему именно онъ такъ не похожъ на всѣхъ другихъ, что сообщаетъ ему такое своеобразие? Цѣльнаго міровоззрѣнія онъ не даетъ, никакой яркой идеи не высказалъ и не утвердилъ, даже ни на одинъ вопросъ не отвѣтилъ ясно и отчетливо, окончательно. Но со всѣмъ этимъ, страннымъ образомъ, соединяется и чувство какой-то совершенной удовлетворенности. Стараясь дать себѣ отчетъ въ немъ, невольно останавливаешься на отношеніи автора къ предметамъ своего размышленія и къ читателю своему.

Заинтересованность первыми—до забвенія личнаго въ себѣ и, въ силу этого, забвенія-же личнаго въ читателѣ—есть постоянная и отличительная его черта. Это и порождаетъ въ размышляющемъ читателѣ чувство совершеннаго удовлетворенія. Никакой дисгармонїи между своею душою и книгою онъ не испытываетъ; все временное, все личное, что отдѣляетъ его отъ

другихъ людей и минутно соединяетъ съ ними, также какъ и тогда, когда онъ остается наединѣ съ собою, уходитъ куда-то въ безграничную даль и пропадаетъ. Мысли, въ дѣйствительности усвоиваемыя имъ извнѣ, какъ будто вырастаютъ въ его собственной душѣ и развиваются въ ней.

Это и составляетъ притягательную силу разбираемаго автора. Онъ не столько разрѣшаетъ наши вопросы, сколько научаетъ насъ серьезно искать ихъ разрѣшенія; не такъ наполняетъ умъ, какъ приготовляетъ его къ принятію истинно-достойнаго содержанія. Длинный рядъ книгъ, имъ написанныхъ, касающійся самыхъ разнообразныхъ вопросовъ внѣшней природы и внутренней жизни человѣка, исторіи и политики, философіи и религіи, служить прекраснымъ началомъ выполненія нашею литературою той задачи *умственной воспитанія общества*, разрѣшенія которой мы ожидаемъ отъ нея послѣ того, какъ она столь прекрасно выполнила задачу его художественнаго и отчасти нравственнаго воспитанія.

В. Розановъ.